

УДК 355:327 (1-622 НАТО)

Трофимов В.А.

Московский государственный областной университет

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

V. Trofimov

Moscow State Regional University

THE EVOLUTION OF THE NORTH ATLANTIC TREATY ORGANIZATION'S STRATEGIC CONCEPTION

Аннотация. Статья посвящена характеристике стратегических концепций Организации Североатлантического договора с момента его создания до 2010 г. Основное внимание уделено анализу концепций 1999 и 2010 гг. Показан их экспансионистский характер, который противоречит основным статьям Вашингтонского договора о создании НАТО 1949 г. Содержащийся в статье анализ опирается на тексты документов.

Ключевые слова: НАТО, стратегическая концепция, статьи 5 и 6 договора, экспансионистский характер, НАТО и Россия.

Abstract. The article is devoted to the strategic conceptions of the North Atlantic Treaty Organization since it came into being till 2010. The article mainly presents the analysis of the concepts of 1999 and 2010. The author points out those concepts' expansionary character and states that it contradicts the fundamental articles of the Washington Treaty, establishing NATO 1949. The analysis given in the article is based on the texts of the documents.

Key words: NATO, the strategic concept, Articles 5 and 6 of the Treaty, expansionary character, NATO and Russia.

Созданная 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне Организация Североатлантического договора (НАТО) явилась одним из важнейших инструментов «холодной войны». Внешне документ, подписанный двенадцатью странами Западной Европы и Северной Америки, производит довольно благостное впечатление. В нем заявлено, что он направлен на решение международных споров мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость. Провозглашены и другие благородные принципы, соответствующие целям ООН. Центральными статьями договора являлись две: пятая и шестая. В статье 5 говорилось о том, что в случае вооруженного нападения на одну или несколько стран-членов договора другие страны НАТО примут меры, направленные на оказание помощи жертвам. Об этих мерах будет сразу сообщено Совету Безопасности ООН, и они будут прекращены после соответствующих действий СБ. Статья 6 территориально ограничивала зону действий блока странами-членами НАТО [3, с. 82].

Фактически же эта организация явилась инструментом осуществления гегемонистских устремлений США первоначально в рамках созданного военно-политического блока, который постепенно расширялся. Вся военная структура и деятельность НАТО были направлены против СССР и его союзников, на подрыв социально-экономической и политической системы этих стран путем развертывания гонки вооружений, военного и политического давления, а также нажима на коммунистические и другие левые силы в странах Европы и Америки.

С самого начала НАТО разрабатывала стратегические концепции борьбы с агрессором, прикрываемые, как правило, мнимо оборонительными названиями. В апреле 1950 г. говорилось о «крупномасштабных операциях территориальной обороны», в середине 50-х гг. была

разработана стратегия «массированного ответного удара», предполагающая использование «всех имеющихся средств, включая и ядерное оружие»; во второй половине 60-х гг. утвердилась стратегия «гибкого реагирования», основанная на достижении преимуществ, связанных с гибкостью и созданием неопределенности у противника «относительно ответных мер» НАТО. Авторы официального издания блока «Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля 1999 г.» признают, что документы с изложением указанных стратегий «были засекречены и содержали директивы для правительств отдельных стран и ориентиры для составления военных планов» [2, с. 65-66].

Казалось, после развала СССР и самороспуска Организации Варшавского Договора военно-политический блок НАТО прекратит существование. Однако этого не случилось, он стал активно действовать с целью распространения сферы своего влияния. В ноябре 1991 г. НАТО принимает стратегическую концепцию, направленную на втягивание в сферу влияния блока прежних членов ОВД и бывших республик СССР. Создаются Совет Североатлантического (позднее Евратлантического) сотрудничества, система «Партнерство во имя мира» и развертывается подготовка к принятию в члены НАТО прежних членов ОВД, других стран юго-восточной Европы и прибалтийских республик СССР.

В апреле 1999 г. вошедшие во вкус правители США и их западные коллеги по НАТО приняли беспрецедентное в истории международных отношений решение – утвердили откровенно экспансионистскую стратегическую концепцию Североатлантического союза. Произошло это на юбилейной сессии, отмечавшей 50-летие организации. Было принято несколько документов, в которых сформулирована в числе прочего эта новая стратегия. В потоке слов об обороне, мире, безопасности, звучавших под аккомпанемент бомбардировок СРЮ, стремились утопить главное. А оно состоит в следующем. Во-первых, в Коммюнике саммита провозглашается решимость блока наращивать силы «с боль-

шой способностью к развертыванию, ведению *длительных действий, эффективных боевых действий*» [2, с. 15, 17] (здесь и далее выделено мною – В.Т.).

Во-вторых, и это главное, провозглашено намерение НАТО осуществлять будущие военные операции Североатлантического союза, включая операции кризисного реагирования «вне статьи 5» Вашингтонского договора 1949 г. Формула «вне статьи 5» повторена в этом документе не менее десяти раз. Что же скрывается за этой безобидной формулой? Намерение действовать с использованием вооруженных сил не только в случае агрессии против одного из членов блока и в «районе северной части Атлантического океана» (именно это предусмотрено статьей 5 договора 1949 г.), но и там, где сочтет необходимым руководство НАТО. Причем и в мирное время планируется «размещение и развертывание сил за пределами своей территории и территориальных вод и передовое базирование сил по мере необходимости» [2, с. 58]. Поводы для подобных действий многочисленны: не только угроза безопасности государств-членов блока, но и террористические акты, саботаж, организованная преступность, нарушение притока жизненно важных ресурсов, бесконтрольное перемещение значительных масс населения, возникновение и нарастание конфликтов по любой причине (этнической, религиозной, территориальной, при нарушении прав человека, при распаде государств, при малоэффективных или неудавшихся попытках реформ). В том числе, если «они (конфликты – В.Т.) могут также отрицательно сказаться на безопасности других государств, не являющихся членами НАТО» [2, с. 47-53, 63].

В-третьих, «для обеспечения надежного сдерживания и *широкого спектра вариантов реагирования*» могут использоваться все средства: как обычные вооруженные силы, так и ядерное оружие. Ведь «ядерное оружие обладает уникальным свойством превращать агрессию против Североатлантического союза в неприемлемый риск с непредсказуемыми последствиями. Поэтому ядерное оружие

продолжает оставаться необходимым инструментом сохранения мира» [2, с. 57].

В-четвертых, стратегическая концепция позволяла «обеспечивать на разовой основе (сколько таких «разовых основ» будет? – В.Т.) и в соответствии с *собственными процедурами* проведение миротворческих и *иных операций* по эгидой Совета безопасности ООН или под ответственность ОБСЕ...» [2, с. 53]. Но ведь этот постулат противоречит Уставу ООН, который разрешает осуществление санкций, в том числе военных, только против агрессии и *исключительно* с разрешения СБ ООН.

Еще одно наблюдение, представляющее интерес для граждан России. В качестве аргумента в пользу наращивания военно-технической мощи НАТО приводится следующее: «Присутствие мощных ядерных сил за пределами Североатлантического союза также представляет собой серьезный фактор, который следует принимать во внимание с тем чтобы сохранить безопасность и стабильность в Евroatлантическом регионе» [2, с. 51]. У кого же еще в Европе и в Евroatлантическом регионе имеются «мощные ядерные силы» за пределами НАТО? Только у России. Следовательно, наращивание военной мощи, включая ядерное оружие, было направлено против России.

Таким образом, стратегическая концепция НАТО 1999 г. была выражением глобалистских притязаний этой организации, в которой тон задают правящие круги США. Эти притязания отражают стремление к военно-политическому господству в Европе и за ее пределами.

Эта стратегическая концепция принималась и осуществлялась в ходе агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии. Страны блока поддерживали вторжение войск США в Ирак, альянс безуспешно «умиротворяет» Афганистан, осуществил операцию в Ливии.

В конце ноября 2010 г. главы государств и правительств стран НАТО утвердили стратегическую концепцию, скромно названную «Стратегическая концепция обороны и обес-

печения безопасности членов организации Североатлантического договора» [5].

Принятию и обнародованию этого документа предшествовала многомесячная деятельность экспертной группы во главе с М. Олбрайт. В состав группы входили полномочные представители десяти стран-членов НАТО, большинство в ранге послов. Группа привлекла к работе десятки гражданских и военных советников, провела 19 заседаний и представила руководству блока весьма объемный документ, озаглавленный «НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие» [1]. При всей важности этого документа, отражающего взгляды политической и военной элиты альянса, *официальным* является утвержденный 20-21 ноября текст Стратегической концепции.

При сравнении заголовков документов, формулирующих стратегию НАТО в 1999 и 2010 гг., может создаться впечатление, что документ 2010 г. по содержанию своему будет касаться исключительно обороны и безопасности членов НАТО, не давая их слишком расширительной, глобальной трактовки, как это было в документе 1999 г. В действительности стратегическая концепция 2010 г. не только не сужает проблему, но и придает ей поистине всемирный характер. Утверждается: «В нынешних условиях сфера безопасности охватывает *широкий и меняющийся* (здесь и далее курсив мой – В.Т.) спектр вызовов безопасности территории и населения стран НАТО» (п. 4). При этом называются «три ключевые задачи», которые решает и будет решать в дальнейшем этот военно-политический блок: «коллективная оборона», «кризисное регулирование», «безопасность на основе сотрудничества» (п. 4 а,b,c).

Обращает на себя внимание, что коллективная оборона предполагает не только «сдерживание и защиту от любой угрозы агрессии», но также от «*новых вызовов в сфере безопасности*». Объем таких вызовов чрезвычайно широк. В их числе «распространение баллистических ракет», «распространение ядерного оружия и других видов оружия

массового уничтожения, а также средств их доставки», «терроризм», «кибератаки», уязвимость энергоснабжения, «разработки лазерного оружия, методы радиоэлектронной борьбы и технологий...», которые окажут влияние на военное планирование и операции НАТО» (п. 7–14).

Кризисное урегулирование означает, что «НАТО будет активно использовать сочетание ... политических и военных средств, чтобы помочь регулировать возникающие кризисы, которые могут *потенциально* затрагивать безопасность Североатлантического союза, еще *до того*, как они перерастут в конфликты» (п. 4 б).

При рассмотрении третьей из вышеупомянутых задач подчеркивается, что НАТО «подвергается воздействию политических событий и событий в сфере безопасности *за пределами его границ*», поэтому блок также «может сам воздействовать на эти события» (п. 4 с).

Каковы же основные средства, с помощью которых НАТО планирует решать поставленные задачи? Ответ таков: «адекватное сочетание ядерных и обычных боевых средств остается ключевым элементом нашей принципиальной стратегии» (п. 17). А «высшая гарантия безопасности стран-членов НАТО обеспечивается стратегическими ядерными силами Североатлантического союза» (п. 18) при сочетании политических, гражданских и военных элементов» (п. 21).

В связи с приведенными положениями документа уже складывается впечатление, что он повторяет установку Концепции 1999 г. и что круг проблем, которые собирается решать НАТО сегодня, далеко выходит за пределы статьи 5 Вашингтонского договора 1949 г. Впрочем, положения новой стратегии НАТО противоречат и статье 6 Вашингтонского договора, где говорится о территориях стран-членов НАТО.

В документе 2010 г. одиозная формула-маска «вне статьи 5» не воспроизводится. Но «меняющийся спектр вызовов безопасности», «кризисы, которые могут *потенциально* затронуть безопасность Североатлантического

союза», события «за пределами его (НАТО) границ» с соответствующей расшифровкой «вызовов» и «событий» не оставляют сомнений в глобальности притязаний НАТО. Впрочем, в пункте 20 «Стратегической концепции» 2010 г. прямо говорится: «Кризисы и конфликты за пределами границ НАТО могут представлять прямую угрозу безопасности территории и населения Североатлантического союза. Поэтому НАТО будет действовать там, где это возможно и необходимо...» А в пункте 19 заявлено, что НАТО будет осуществлять «адекватное сочетание ядерных и обычных сил; поддерживать способность обеспечивать параллельные *крупные* объединенные операции и несколько операций меньшего масштаба по коллективной обороне и кризисному реагированию, в том числе *на стратегическом расстоянии*». Здесь же говорится об «экспедиционных операциях»; о возможности «обеспечивать мощные воинские силы в зоне боевых действий», «регулировать происходящие боевые действия» (п. 23).

Все это свидетельствует о весьма амбициозных притязаниях НАТО в современных условиях, хотя и прикрывается благостными рассуждениями об обороне и безопасности стран-членов блока и их населения. Документ с гордостью провозглашает: «Операции под руководством НАТО продемонстрировали незаменимый вклад, который может внести Североатлантический союз в международные усилия по регулированию конфликтов» (п. 23). При этом в качестве примеров «эффективного кризисного регулирования» приводятся «уроки операций НАТО, в особенности в Афганистане и на Западных Балканах» (п. 21).

Об эффективности кризисного урегулирования в Афганистане вряд ли можно говорить всерьез. Там войска НАТО и их союзников в течение 10 лет «умиротворяют» и внедряют свои идеалы и ценности с помощью широкого арсенала методов и средств, включая действия мощных вооруженных сил, достигших в 2010 г. более 150 тысяч. В процессе этого «урегулирования» погибли тысячи человек, вклю-

чая мирное афганское население и натовских военных. Провозглашена дата окончания активных действий НАТО – 2014 г., но и после этого на территории Афганистана планируют оставить иностранные военные базы и часть войск.

Говоря же о Западных Балканах, не следует забывать, что началось это «эффективное» кризисное урегулирование с варварских бомбардировок войсками НАТО территории Союзной Республики Югославии (именно Сербии). В связи с этим событием возникает несколько констатаций.

Первая. Вооруженные силы НАТО осуществляли эти бомбардировки в течение двух с половиной месяцев без санкции Совета Безопасности ООН (упомянутом вскользь, для отвода глаз, в начале натовского документа), который в соответствии с Уставом ООН несет «главную ответственность за поддержание мира и безопасности» (Гл. 5, ст. 24)[6], а также «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» (Гл. 7, ст. 39)[6] и решает вопрос о необходимых мерах-санкциях» (Гл. 7, ст. 41-42)[6]. Обратилось же руководство НАТО в СБ ООН лишь после завершения агрессии против СРЮ.

Вторая. Это так называемое «эффективное урегулирование» привело к грубому нарушению территориальной целостности, нерушимости границ и суверенитета СРЮ (Сербии). А ведь это противоречит принципам, зафиксированным Заключительным актом Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это событие имело и другие отрицательные последствия, связанные с Косово.

Третья. Она связана с неясностью вопроса о том, кто же в соответствии с новой стратегией будет определять средства решения «трех ключевых задач», особенно с применением вооруженной силы «за пределами границ» НАТО, в «экспедиционных операциях», «на стратегическом расстоянии». Содержащийся в п. 31 тезис о «сотрудничестве между НАТО и ООН», а также о намерении углубить «политический диалог и практичес-

кое сотрудничество с ООН» звучат слишком общо и неопределенно. В этом месте требовалась четкая и недвусмысленная констатация приоритетного и исключительного права Совета безопасности ООН на вышеупомянутые действия.

Особый интерес у граждан Российской Федерации вызывают положения Стратегической концепции 2010 г., относящиеся к России.

В «Стратегической концепции» 1999 г. содержалось довольно общее положение о важности сотрудничества НАТО с Россией в обеспечении евратлантической безопасности на основе основополагающего акта 1997 г. (часть положений которого руководство НАТО нарушила, начав бомбардировки СРЮ).

В документе 2010 г. отношениям НАТО с Россией уделено гораздо большее внимание. При этом выдвигается ряд конкретных предложений. Еще более обстоятельно рассматривалась эта проблема в ходе работы группы экспертов во главе с М. Олбрайт, что нашло отражение в упоминавшемся выше итоговом документе («Анализы и рекомендации...»).

В официальном документе (Стратегической концепции) утверждается: «Сотрудничество НАТО и России имеет стратегическое значение, поскольку оно содействует созданию единого пространства мира, стабильности и безопасности. НАТО не представляет угрозы для России. Наоборот, мы хотим видеть подлинно стратегическое партнерство между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответственно, ожидая от России взаимности» (п. 33). Подчеркивается, что взаимоотношения НАТО и России основываются на таких принципах и обязательствах, как уважение демократических принципов и суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств евратлантического региона» (п. 34).

Характерно, что авторы «случайно» забыли упомянуть о «равноправном партнерстве», «отказе от применения силы или угрозы силой друг против друга или против любого другого государства» – принципах, зафиксир-

рованных в «Основополагающем Акте» 1997 г.

Далее в документе указано, что НАТО, «несмотря на расхождения по отдельным вопросам», хочет расширять политические консультации и практическое сотрудничество с Россией в ряде сфер «общих интересов, включая противоракетную оборону» (п. 34), которой документ уделяет особое внимание (п. 19). А в рекомендациях группы экспертов утверждается, что «американские комплексы, которые предстоит развернуть, будут намного более эффективным средством обороны от баллистических ракет, угрожающих Европе со стороны Персидского залива, чем ранее планировавшиеся комплексы. Они не направлены против России и не представляют угрозы для российской системы ядерного сдерживания» [1].

При знакомстве с этим утверждением сразу возникают две неясности. Во-первых, в зоне Персидского залива (а имеется в виду Иран, преодоление угрозы со стороны которого якобы стало «для НАТО основной военной задачей») нет баллистических ракет, способных угрожать Европе. Во-вторых, нет гарантий, что новые американские комплексы не направлены против России и не представляют угрозы для российской системы ядерного сдерживания. Тем более, что документ Олбрайт предлагает договориться (внутри НАТО или в СРН?) о «расширении активной эшелонированной системы ПРО на ТВД» (неясно при этом, о каком именно театре военных действий идет речь).

Значительное внимание уделяет «Стратегическая концепция» 2010 г. проблеме ядерного оружия (п. 26). Можно только приветствовать заявление о решимости НАТО создать условия, которые «позволят освободить мир от ядерного оружия». Но пока что в качестве первоочередной ставится задача «заручиться согласием России на увеличение прозрачности в отношении ее ядерного оружия в Европе и на перемещение этого оружия далее от территории стран-членов НАТО» (п. 26). Здесь отчетливо видно, что стратеги НАТО, руководители стран-членов стремятся добиться

для себя выгоды, продолжая политику создания новых военных баз ближе к территории России в странах Центральной Европы (Польша, Чехия), не говоря уже о созданных базах в Румынии и Болгарии.

Беспокойство граждан России тем более обоснованно, что аналитический документ группы Олбрайт призывает руководство НАТО «принимать меры предосторожности на тот случай, если Россия выберет более враждебное направление». Но такое «направление» возможно, на наш взгляд, только в том случае, если НАТО будет добиваться от России мер, ущемляющих российские национальные интересы.

Пока же руководство России шло на активное сотрудничество с НАТО, полагаясь на лояльность и миролюбивые заверения руководства этой организации. Свидетельством этого является «Совместное заявление Совета Россия – НАТО» (СРН), принятое на заседании Совета на уровне глав государств и правительств 20 ноября 2010 г. в Лиссабоне с участием президента России Д.А. Медведева [4].

В документе констатировано, что государства – члены СРН:

1. будут работать в качестве 29 равных партнеров, начав «новый этап сотрудничества, ведущий к подлинному стратегическому партнерству» на основе принципов международного права;

2. договорились обсуждать продолжение сотрудничества в области ПРО, а также определили конкретные мероприятия практического сотрудничества в области ПРО-ТВД, поручили разработать «совместный анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны», ход работы над которым будет рассмотрен на встрече министров обороны стран-членов СРН в июне 2011 г. (по данным на начало 2012 г. позитивного результата не достигнуто);

3. подчеркнули важность международных усилий в поддержку правительства Афганистана, в связи с чем договорились о дальнейшем облегчении «железнодорожного транзита нелетальных грузов МССБ через

российскую территорию», а для более эффективного использования вертолетного парка (вертолеты поставляются в первую очередь Россией) ВВС Афганистана «дали поручение о создании в 2011 г. целевого фонда для обеспечения технического обслуживания вертолетов».

Создается впечатление, что основная причина возросшего внимания альянса к сотрудничеству с Россией состоит во-первых, именно в том, что НАТО, увязнув в так называемом миротворчестве в Афганистане, стремится глубже втянуть в афганские дела Россию, а во-вторых навязать свои планы ПРО.

Как бы то ни было, НАТО – это военно-политическая реальность в современном мире. Поэтому поддержание нормальных отношений с этой организацией неизбежно. Важно только, чтобы российское руководство при этом твердо стояло на почве защиты и утверждения национальных интересов Российской Федерации. А если идти на компромисс, то только по принципу *do ut des*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. Анализ и рекомендации группы экспертов по новой стратегической концепции НАТО [электронный ресурс] // URL: http://www.nato.int/csp/ru/natolive/official_texts_63654.htm (дата обращения 01.01.2011).
2. Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля 1999. NATO Office of Information and Press. – Brussels.
3. Системная история международных отношений. 1918–2033: В 4-х тт. – Т. 4. Документы. – М., 2004.
4. Совместное заявление Совета Россия – НАТО. Заседание Совета Россия – НАТО на уровне глав государств и правительств в Лиссабоне 20 ноября 2010 [электронный ресурс] // URL: <http://www.natomission.ru/cooperation/document/21> (дата обращения 28.05.2011).
5. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов организации Североатлантического договора [электронный ресурс] // URL: http://www.nato.int/csp/ru/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения 01.01.2011).
6. Устав Организации Объединенных наций и Статут Международного суда. Б.м., б.г.